

Степан Дроздов, Мария Масагутова

«Обложка бесценного груза»: семиотический статус и практики использования обложки для паспорта в позднесоветской и постсоветской России

В хрестоматийном для любых размышлений о паспорте стихотворении Владимира Маяковского наряду с наиболее известными строками о широте штанин лирического героя и бесценности груза, из них извлекаемого, есть также рассуждения автора о специфике взаимодействия «господ чиновников» с паспортами разных стран. Влияет на это, по мнению Маяковского, не только гражданство подателя документа, но также язык, на котором документ составлен (в случае польского), и, что важнее для нашей статьи, обложка¹. При этом из упоминаемых в тексте деталей оформления становится ясно, что все герои проверки документов предоставляют свои паспорта без обложек, в виде первоизданного, или, в случае паспорта, скорее «первоизданного / первоизданного». Здесь сразу стоит оговориться, что под «обложкой» в данной статье мы будем подразумевать именно ту, которая может быть надета на документ его обладателем, а не ту, которая является его (документа, а не обладателя) неотъемлемой частью. Наблюдения Маяковского — к чести поэта, весьма антропологичные — вкуче с другим хрестоматийным для любых размышлений о паспорте текстом книги Байбурина привели нас, аспирантов-антропологов и учеников Альберта Кашфулловича,

Степан Тимофеевич Дроздов

Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
sdrozdov@eu.spb.ru

Мария Руствэмовна Масагутова

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
mmasagutova@eu.spb.ru

¹ «С почтеньем / берут, например, / паспорта / с двухспальным / английским левою. <...> С каким наслажденьем / жандармской кастой / я был бы / исхлестан и распят / за то, / что в руках у меня / молоткастый, / серпастый / советский паспорт».

к написанию этого во многом автоэтнографического очерка. И отдельно стоит отметить, что, будучи людьми, с удовольствием прослушавшими курс по академическому письму у юбиляра и многому там научившимися, мы чувствуем себя крайне неловко, когда пишем почти академическое «мы» и покорнейше просим прощения за эту формулировку.

Что касается материала для статьи, то помимо автоэтнографической рефлексии опыта выбора и использования обложек на паспорт (Степан, 1996 г.р.; Мария, 1997 г.р.), нам также удалось взять пять интервью — четыре с представителями последних советских поколений (Рустэм, 1962 г.р.; Тимофей, 1964 г.р.; Татьяна, 1972 г.р.; Екатерина, 1975 г.р.) и одно с человеком, родившимся уже в новом тысячелетии и сейчас находящимся в процессе смены паспорта в связи с достижением двадцатилетнего возраста (Елизавета, 2002 г.р.). И если, согласно распространенной шутке, большая часть работ по психологии строится на исследовании первокурсников психологических факультетов, то наш короткий очерк написан на основании разговоров с членами наших семей. Кот по кличке Шелли (2021 г.р.) от интервью отказался, сославшись на отсутствие обложки для ветеринарного паспорта, в связи с чем non-human измерения в текст статьи нам привнести не удалось.

Семиотический статус обложки

Как отмечает Байбурин, ссылаясь на знаменитую работу Богатырева «Функции костюма в Моравской Словакии», «любая вещь обладает не одной функцией, а целым набором, пучком функций, среди которых есть и практические, и символические» [Байбурин 1981: 215]. В разных контекстах при этом конфигурация утилитарного и символического (на)значения того или иного предмета оказывается разной. Схожим образом кажется возможным посмотреть и на объект нашего исследования — обложку для паспорта, которая для нас самих и наших информантов оказывается смешением практического и символического. Об особом статусе обложки на паспорт пишет и Байбурин: «Обложки продавались далеко не везде, и покупались они не столько для сохранности паспорта, сколько из осознания его ценности, а также для улучшения собственного имиджа [Байбурин 2017: 370]. В этом ключе собранный нами материал, с одной стороны, во многом иллюстрирует сюжеты, описанные в одной из глав книги Альберта Кашфулловича [Там же: 368–373], с другой же — дополняет рассуждения автора постсоветским контекстом. Начнем с автоэтнографии.

Мария: *Самое интересное на самом деле, что мне не очень нравится моя обложка на паспорт. При этом я не испытываю*

особого стремления ее сменить, хотя при случае была бы не против [см. ил. 1 на цветной вклейке].

Мне было 14 лет, когда мы с семьей отправились в один из санаториев на Финском заливе. Санаторий был достаточно советским и скучным, но виды, запах моря и, главное, близость к Питеру делали для меня это место практически райским уголком. А еще в конце июня там пышно цвела сирень, которая в моем тыуган як (родном крае) к тому времени уже давно отцветала. На тот момент я была безответно влюблена в северную столицу, но жила от нее далеко и мечтала при первой возможности уехать туда учиться и жить. Сейчас эта подростковая влюбленность кажется странной и забавной, но тогда я свято хранила вещи, так или иначе связанные с объектом обожания, и доходило это до смешного.

На первом этаже санатория, как водится, были вендинговые машины, кофейный автомат, куда мы с сестренкой регулярно ссыпали всю мелочь, закупая горячий шоколад и кофе, а также какой-то аптечный киоск, что, наверное, вполне логично для подобного заведения. Бывали там и более интересные гости: заезжали разные коммивояжеры, и от скуки мы иногда просматривали их товары. Оказалась там и дама, торговавшая всевозможными кожаными изделиями, которые моя мама опознала как товары из Латвии. Среди товаров красовались тисненые ключницы с видами Риги и Петербурга, кошельки, косметички, обложки на паспорт и прочая мелочовка. Кажется, изначально мы должны были купить сувениры бабушкам — и вроде даже купили. Я не помню, кому из нас принадлежала идея посмотреть мне обложку на тогда еще новенький и не облаченный ни во что паспорт, тем не менее в какой-то момент передо мной оказалась разложена целая пачка рельефных, пахнущих кожей рыженьких обложек. Я помню, что в тот момент мною двигало не чувство прекрасного — визуально они сразу меня не слишком впечатлили (выглядели, прямо скажем, «бабушкинскими»), а вполне прагматичное, как мне казалось, решение прикупить обложку в Питере (ну почти) и с видом Питера. Сейчас, испорченная университетами, я скептически назвала бы это проявлением своего рода магического мышления — в моей мотивации явно прослеживалась идея контагиозности города и всего с ним связанного, стремление привезти с собой и иметь при себе кусочек Петербурга в надежде однажды переехать туда. Но на тот момент моей основной проблемой было выбрать, какой городской вид я бы себе хотела. Точно помню, что после некоторых колебаний я отвергла обложку с разведенным Дворцовым мостом — вид показался уж слишком избитым, да и в сложном виде на паспорте красовалась бы только половина моста, что мне тогда очень не понравилось. Почему-то лучшим вариантом

я сочла обложку с видом на Исаакиевский собор — тоже избито донельзя, но тогда меня порадовало, что вид этот (на самом деле совершенно не реалистичный) был откуда-то со стороны, с мостика, и в условный кадр попадали и вода, и деревья, и сам собор был где-то в глубине, не подавляя своей громадой общей картины. Под заверения продавицы, что я сделала прекрасный выбор и этой обложке сноса нет, я стала счастливой обладательницей эстетически чудовищной, как мне кажется сейчас, штуки. Впрочем, дама не соврала — этим летом обложке исполнилось уже 10 лет, и, не считая немного затертых уголков, она ничуть не изменилась. Мне кажется, эта обложка стала уже какой-то органической частью моего паспорта, буквально к ней приросшей, мои пальцы настолько хорошо помнят ее рельеф, что я могла бы нарисовать ее по памяти, и все мое тактильное ощущение паспорта завязано на этой рельефности.

Когда я все-таки поступила и переехала, семиотическая необходимость мириться с этим рыжим чудовищем отпала, но я поныне покорно таскаю ее с собой, и при смене паспорта она перекочевала на новый (при этом обложки студенческого билета я меняла трижды). Сейчас эта обложка вызывает у меня смущение, но служит она и правда долго и неплохо. В любом случае рано или поздно кто-то из нас с ней не выдержит, и мой паспорт обретет новый облик.

Екатерина объясняет это так:

Мы купили тогда, потому что бабушке [искали сувенир. — М.М.], у них это ассоциации прямые, потому что это был хороший подарок. Все, кто приезжал оттуда [из Прибалтики. — М.М.], привозили шоколад, бальзам и вот это. Я не думаю, что это фабрики, это скорее какие-то предприниматели. Раньше это была подпольная история, за это сажали — ну как сажали, за это обычно собирали дань, а потом это переросло в перестройку в кооперативы, они вышли наружу, а потом это переросло в производство какое-никакое.

В этом контексте забавно, что Мария выбрала обложку и для еще одного персонажа нашего исследования — своей сестренки и этим, как ей кажется, несколько компенсировала собственное опрометчивое решение. Как отметили наши информанты Рус-тэм и Екатерина, часто обложки не выбираются, их просто дарят — так Мария подарила сестре на четырнадцатилетие симпатичную, приятную на ощупь, хотя и несколько детскую обложку с котиками, а перед этим долго ее выбирала, бегая по местным хэндмэйд-магазинчикам. В этой истории обложка тоже словно прирастает к паспорту: как сообщила Елизавета, находящаяся в увлекательном процессе смены документа, «я сейчас

сменю паспорт и надену старую обложку на новый». О распространенности практики дарения, а не покупки обложек, говорили также Тимофей и Татьяна.

Екатерина предполагает, что привычка не носить обложку или использовать самую простую, минималистично прозрачную, «как на тетрадку», могла сформироваться у нее во времена перестройки, когда «у нас много развелось карманников в автобусах, а покупали эти обложки, объемные, толстенькие, с кармашками, и часто карманники вытаскивали вместо кошелька эти паспорта, потому что думали, что кошелек. Формат кошелька в советское время — это не вот эти вот буханочки, а тогда были квадратные или немножко вытянутые плоские, и они были очень похожи. И в это время огромное количество паспортов находили около остановок. Потому что люди выходили, они же сразу выскакивали, понимали, что сперли не то, и просто выбрасывали, потому что утащить документы тогда каралось серьезнее».

Степан: *Свою обложку на паспорт я купил через несколько дней после его получения в 2010 г. [ил. 2]. Мы специально поехали в центр моего родного города, путь куда занимал около часа, чтобы там на рынке я смог выбрать себе что-то подходящее. Представление о том, что значит «подходящее», при этом у меня было, с одной стороны, весьма абстрактное, с другой же — вполне четкое: обложка должна была быть взрослой. Создалось у меня это впечатление на основе тех слов о важности самого документа и необходимости бережного к нему отношения, которые были сказаны в паспортном столе, а также, пожалуй, напутствия моего отца об ответственности, которая с получением паспорта ляжет на меня в случае совершения правонарушений. И пускай таковые правонарушения ни в 14 лет, ни потом я совершать не планировал, сама идея того, что беззаботное и безответственное детство закончилось, для меня была маркированажатием руки паспортистки. Таким образом, с одной стороны, будущая обложка должна была защищать содержимое, с другой же — быть отражением того нового статуса, который на меня с этим содержимым свалился. Статусным образцом была для меня обложка паспорта моей мамы — глянцевая пленка, имитирующая малахит, обрамленная золотыми уголками, которая неизменно восхищала меня — воспитанного на сказках Бажова ребенка.*

На нагретом апрельским солнцем асфальте рынка стояли латки и лотки, несколько из которых, располагавшихся ближе к остановкам, пестрили паспортными обложками и кошельками. И если матовый асфальт впитывал тепло солнца, то свет его отражался в глянце обложек и фурнитуре кошельков.

Из всего этого свободного от гнета брендов рыночного великоления мне и предстояло выбрать ту самую «взрослую» обложку. Увидел я ее достаточно быстро: мягкая светлая кожа с тисненым гербом и двуязычной надписью, сопровождаемая на обороте указанием на то, что кожа натуральная, а сделана обложка в России. Все вышеперечисленное, тем не менее, впечатлило меня гораздо меньше, чем значок из трех дубленых шкур, почему-то напомнивший мне фильмы про североамериканских индейцев, а также, что более логично, ярлычки от вещей моих родителей из натуральной кожи. Именно этот знак стал определяющим фактором, так как, с одной стороны, указывал на практичность, ведь натуральная кожа — материал надежный и, согласно моему пониманию знака, одобренный благородными индейцами, а с другой — на взрослость и статусность, каковой казалась мне одежда родителей. Таким образом я и стал обладателем той обложки, рельеф которой (а в особенности, «индейского» знака) сегодня так хорошо знают мои пальцы.

В целом в обоих описанных нами случаях видна интересная особенность мест и обстоятельств приобретения обложек для паспорта. Рынок и странствующий торговец являются в определенном смысле агентами антиструктуры, противостоящими структурированным и институциональным магазинам кожгалантереи и универсамов.

В случае обложки, купленной в санатории, роль сыграли банальная случайность (азанде предположили бы, что Марию кто-то заколдовал, вызвав временное помутнение рассудка) и опыт мамы, в чьей позднесоветской юности фигурировали «рижские обложки», привезенные из Прибалтики и казавшиеся (возможно, и бывшие) лучше, чем те, что были доступны в государственных уфимских магазинах.

В случае же с обложкой с рынка выбор места приобретения может быть обусловлен обстоятельствами, в которых покупались первые обложки родителей Степана, сопровождавших его в описанных событиях. Тимофей так описал свой случай:

Обложки для паспортов никогда не являлись государственно важными, поэтому если они кем-то и делались, они... это кооперативы делали. Это делали частники, кооперативы, продавалось это все, соответственно, очень мало где. То есть делали, если и делали, то из всякой фигни, и по большей части, вот я помню первый свой паспорт, никогда он у меня в обложке не был. То есть обложки в широком смысле этого слова стали использовать, только когда уже началась перестройка. Ну даже не перестройка, а когда уже все стало это широко распространяться и много продаваться. А как любой товар, сделанный кооператорами на коленке, любой такой труд, он стоил

дорого. Потому что это был не граненый стакан, которых делали миллионы, а это было что-то, что... один человек покупал материалы, сам договаривался где-то с кем-то, чаще всего в обход государственных структур, сам же у себя дома делал, поэтому они были достаточно дороги. Еще всякие общества — общество инвалидов, общество слепых, они занимались этим. Но они стоили рубли, то есть не копейки, а рубли.

Ситуация, когда в советской Перми купить обложку в институциональном магазине было трудно, вероятно, и привела к тому, что первым местом поиска обложки Степана стал рынок. Несколько более радужная ситуация описывается Татьяной, получившей паспорт в конце восьмидесятых и сразу купившей на него обложку:

Материал был как обложка у книжки: не картон, не дерматин, а вот из такого, и наклеенный герб, и уголки там такие. Чаще всего у нас тогда южные кооперативы, на югах всегда продавалось почему-то это все.

В Уфе того же периода обложку купить не было проблемой, но их качество и внешний вид были сомнительными. Рустэм рассказывает, что в галантерейных магазинах «были какие-то обложки, простенькие дерматиновые с уголочками», «в ларьках не продавались, но вот в галантерейных магазинах — да», но не помнит, был ли он сам обладателем такой обложки. Впрочем, при определенной доле усилий можно было добыть и более креативные варианты: «Рижские продавались, они кожаные были, весомые такие, солидные, у бабушки сейчас такая <...> у деда тоже был такой, там какие-то шпили рижские». Приобрести невзрачную дерматиновую обложку (по крайней мере, в Уфе) труда не составляло, интереснее было найти что-то особенное. Обложка могла быть сувениром — и стала таковым в истории одной из нас: в советское время обложки привозили с юга или из Прибалтики [Байбурин 2017: 370], где выбор и материалы отличались от общедоступных и процветало кустарное производство. Екатерина вспомнила также, что после их с матерью поездки к родственникам в Латвию, они, отправившиеся туда налегке, обратно везли небольшое количество сувениров: конфеты, рижский бальзам, кеды и кожаные изделия, в том числе обложку на паспорт.

Информанты указывают, таким образом, что «хорошие» обложки были дороги и делались часто «в обход» государства. На схожие кустарные практики изготовления обложек в советское время указывает и Байбурин [Байбурин 2017: 370].

Что касается утилитарной функции обложки на паспорт, информанты отмечают, что обложка была не обязательной, так

как «паспорта были достаточно <...> качественно сделаны. Я еще помню у своих родителей, такие серенькие были, по качеству не очень хорошие, а у нас уже были плотные такие, да и люди их особо не таскали» (Тимофей). На отсутствие практики ношения с собой паспортов в советское время указывает и Байбурин, отмечающий, что «паспорт старались без особой нужды не выносить из дома» [Байбурин 2017: 368]. Практическая функция обложки, защищающей документ от износа, уступала место функции символической. В этом смысле интересно, что Татьяна, с одной стороны, связывает покупку обложки для младшей дочери с тем, что «девочки в принципе аккуратнее, и если была возможность купить чехол на паспорт, то мы сразу покупали», а с другой — указывает, что основной мотивацией было наличие обложки у ее старшей сестры. Таким образом, как и в случае истории о поиске одновременно практичной и взрослой обложки, символическое значение превалирует над утилитарным, при этом не исключая его полностью.

Еще одной важной точкой, в которой утилитарное значение переплетается с символическим, оказывается момент смены обложки или же решения не менять ее, в том числе и при смене самого документа.

(Не)сменяемость обложки

Как и в случае с выбором обложки, решение о ее замене или сохранении также может быть мотивировано как практически причинами, так и символическими. Тем не менее, в отличие от описанных ранее ситуаций, мотивации владельцев паспортов в данном контексте предстают менее сложными. Смена обложки на паспорт в нарративах наших собеседников носит либо чисто практический характер, что связано с ее износом, либо чисто символический характер. В первом случае все довольно ясно и прозаично. Рустэм и Екатерина, например, считают, что поводом для смены обложки паспорта для них стала бы чисто утилитарная невозможность выполнения ею своей прямой функции — если она порвется или растреплется, а так обложки могут спокойно кочевать при смене документов со старых на новые.

Во втором же случае изменения становятся частью гражданской позиции и иногда шире — отражением политических процессов. Так, один из собеседников Альберта Кашфулловича указывал, что обмен советского паспорта на российский стал для него катастрофой, удар которой он смягчил надеванием старой обложки на новый документ [Байбурин 2017: 371]. Схожим образом ранний период постсоветской истории описал и Тимофей:

Я тогда обложку себе купил, потому что захотел, чтобы у меня был символ... чего-то. Вот я не помню, либо я хотел, чтобы у меня на паспорте был именно советский серп и молот, потому что их отменили, либо я хотел, чтобы у меня был не серп и молот, потому что их еще не отменили. То есть чисто из какого-то бараньего упрямства. Я выражал отношение свое к документу. Я покупал не чтобы оно выглядело лучше, а из желания, чтобы оно выглядело не так, как на самом деле. Это отношение даже не к документу, удостоверяющему личность, а к обложке, на которой использован какой-то символ. Государство считает, что на мне должен быть изображен вот этот символ, а я не согласен, что на мне должен быть изображен этот символ. Поэтому я с этим спорю. Это уже постсоветское время, когда стали менять паспорта. Тут был определенный детский протест. Я продукт советской эпохи и до сих пор им остаюсь. Я часто вспоминаю это время, когда Горбачев читал без бумажки, когда появился разговор, когда я сижу в армии, у меня красная звезда на лбу, а по советскому телевидению показывают «Лестницу Иакова». И мы в армии солдаты со звездой. И это было ощущение не свободы, я не чувствовал себя за решеткой в СССР, это было ощущение «а что, можно?». Поэтому это, скорее всего, был протест против того, во что это вылилось. В этот оголтелый либерализм.

Смена обложки, таким образом, оказывается не только маркером политических изменений, как в случае Татьяны, поменявшей тогда же обложку из-за смены названия государства, написанного на ней, но и способом выразить свое отношения к этим изменениям и даже в определенном смысле сшить этот разрыв через символическую несменяемость обложки при смене ее содержимого и идеологического наполнения.

Что и почему мы храним в обложке

В контексте связи утилитарного и символического, переплетенных в обложке паспорта, интересным примером конфигурации оных выступает практика наполнения внутренних «кармашков» обложки различными объектами. В этом случае, с одной стороны, мы имеем дело с конструированием представлений о безопасности такого хранения [Douglas 1966: 21], а также о важности соседства с паспортом, с другой же — с реализацией магического принципа подобного к подобному [Токарев 1990: 426–432], выражающегося в совместном хранении эмоционально и статусно важных вещей. Снова немного автоэтнографии.

Мария: *В моей обложке паспорта страшный бардак. Здесь и документы — СНИЛС, ИНН, и, внезапно, старый полис, который я сменила 6 лет назад, просто лежит. Еще здесь лежат аж три*

пропуска в архивы: два в ЦГИА (один актуальный), один, истекший в конце 2018 г., в РГИА и два разрешения на внос айпада в читальный зал того же РГИА. Я помню, что к великому недовольству архивных тетенок несколько раз теряла такие разрешения, поэтому и положила в паспорт. Раньше я часто сидела в архивах, когда появлялось случайное свободное время — отпустили с пар пораньше или что-то отменилось. Общежитие Вышки находится далеко, в Обухово, и возвращаться туда за пропуском лишний раз совсем не хотелось, поэтому на всякий случай положить пропуск в паспорт, который я всегда беру с собой, тоже было прагматичным решением, а потом стало привычкой.

В этой же обложке лежит черно-белое фото папы, сделанное им в молодости для каких-то документов, и сильно засвеченный полароидный кадр, сделанный мною в Москве несколько лет назад, и хотя на фото этого не разобрать, я знаю, что в кадре папа и сестра. Стоит отметить, что у Степана в обложке лежит позаимствованная из семейного альбома фотография его молодых родителей в Болгарии, откуда, по его словам, они его и привезли.

Также в моем паспорте лежит купюра в 20 шведских крон, на которой изображена нежно мною любимая Астрид Линдгрен и созданная ею Пеппи, и во время моей поездки в Швецию мне стоило больших стараний получить эту купюру на сдачу. На тот момент мне важно было случайно ее не потратить, на загранпаспорте у меня обложки нет, и в дороге единственным местом, пригодным для хранения, где купюра не потерялась бы и не помялась, оказался паспорт. Там она и «живет» до сих пор.

Собственно, здесь оказывается интересным, что документы (в том числе обеспечивающие доступ в архив) я ношу в паспорте из чистой прагматики — чтобы не потерять и достать посмотреть номер, если нужно будет где-то что-то заполнить, но помимо них здесь оседают и эмоционально важные вещи.

Интересным «приложением» к паспортам наших родителей стали наши рисунки. Так, Екатерина носила в прозрачной обложке рисунки обеих своих дочерей («она тонкая была, потом порвалась, а в ней были ваши рисунки маленьких, я таскала, и где-то они потом легли, то ли потерялись, то ли легли»), а Тимофей и Татьяна до сих пор носят умильные детские записи другого автора этой статьи (в обложке Тимофея: «ПАПА Я ТЕБЯ ЛУБЛУ ПАТОМУШТО ТЫ ДОБРЫЙ И ОЧЕН ХОРОШО ПОЁШ»¹). Младшая из информантов, Елизавета,

¹ Орфография и пунктуация автора записи сохранены.

держит в обложке исключительно документы, руководствуясь прагматичным соображением, что удобно иметь все под рукой и не искать лишний раз. Она, как и авторы этой статьи, всегда носит с собой паспорт, мотивируя это привычкой и реалиями студенческой жизни в современной России: без него ей не продают даже энергетик.

Старшие информанты указывают на отсутствие такой необходимости в советский период, когда при реализации товаров и услуг, предназначенных для лиц старше 16 лет, продавцы руководствовались скорее внешним видом покупателя, нежели его возрастом. Так, Тимофей отмечает, что сигареты можно было приобрести, если выглядеть достаточно взрослым. И он, и Рустэм указывают, что на фильмы 16+ можно было спокойно пройти, если соответствовать этому возрасту (по словам Рустэма, некоторые специально подкладывали что-нибудь в обувь, чтобы казаться выше, а Тимофей вспоминает, как родители, сопровождавшие его на такой фильм, в шутку пытались заставить контролера его не пропустить). Екатерина вспоминает, что на почте важнее был принцип знакомства и ей спокойно выдавали посылки без паспорта, тогда как Татьяна имеет противоположный опыт взаимодействия с этой структурой.

Наши информанты рассказывали о том, что в советское время обложка для паспорта была необязательным аксессуаром, дающим, впрочем, возможность самовыражения. Так, Екатерина отметила, что ее сверстники, если и носили обложки, то старались выбрать выделяющиеся, «выглядящие иначе», например такие, где «иностранными буквами написано “паспорт” или цвет какой-то нестандартный». Татьяна указывает, что решила купить свою первую обложку на паспорт вслед за сестрой.

Рустэм поделился еще одной прекрасной функциональной особенностью обложки на паспорт: «Еще в советское время под обложкой носили записку. Они назывались “подкожные” поэтому. Под кожаной обложкой, внутрь туда затолкать, ее жена не находит». О схожих практиках хранения наличных пишет и Байбурин, называя это скорее мужской практикой, чем женской [Байбурин 2017: 371].

Особую связь для нескольких наших информантов, да и для нас самих, паспорт и внутреннее пространство его обложки имеют с больницей. Татьяна, к примеру, носит в обложке паспорта результаты флюорографии, которые в Перми, в отличие от Петербурга, выдают на небольших бумажках размером со спичечный коробок. Этой практике долгое время следовал и Степан, пока, переехав в северную столицу, не обнаружил, что скопилось у него этих бумажек штук восемь. Тем не менее, идея того, что документы, необходимые при посещении поликлиники,

должны находиться в паспорте, который также входит в обязательный пакет, все еще распространенная сегодня, имеет советские корни. Об этом свидетельствует история одной из собеседниц Альберта Кашфулловича, чья мать, а затем и она сама хранили таким образом номера карточки из зубной поликлиники [Байбурин 2017: 371]. В случае Марии эта валентность медицины и паспорта проявилась в ношении под обложкой медицинского полиса (пускай и старого, так как новый не влезает). Вопрос о том, какие документы имеют подходящий размер для того, чтобы быть убранными под обложку паспорта, возможно, заслуживает отдельного изучения, однако уже сейчас можно сказать, что идеальным примером такого документа, который в кармашках обложки хранят все участники этого исследования, является СНИЛС.

В ситуации с паспортами и их обложками, помимо непосредственно функциональной составляющей, мы сталкиваемся с классическим противостоянием идентичности предписанной и выбранной (см. например: [Golubović 2011: 32–33]). Так, выдавая нам паспорт, государство маркирует нашу принадлежность этой книжицей, неважно, «серпасто-молоткастой» или с раскинувшим крылья орлом на красном фоне. Далее открывается простор для нашей игры с этой идентичностью и самой идеей того, будем ли мы придавать этому значение. Из наших информантов активнее всех вступил в эту игру Тимофей, указавший, что «государство считает, что на мне должен быть изображен вот этот символ», и здесь проводится прямая связь между человеком, его «я» и его документом. Кастомизация паспорта может быть разной, лаконичная ли это черная кожаная обложка, как у Рустэма, веселенькая ли голубая обложка с котиками, как у Елизаветы. Тем не менее, при прямом требовании бережно хранить паспорт (пункт 17 последней страницы документа) мы не можем просто перекрасить его в приятный цвет или разрисовать так, как хочется, но можем решить, как он будет выглядеть снаружи и что будет в нем храниться.

В целом многие описанные Альбертом Кашфулловичем практики и мотивации, связанные с обложками для паспорта, не претерпели серьезных изменений с советского времени, находя отражение в нашей повседневной жизни. Как и сам документ, его обложка находится на сложном пересечении практических и символических функций, выступая одновременно и защитной оболочкой, и символом статуса, чем-то, что можно заменить из-за износа, но не из-за распада империи, хранилищем медицинских справок и рисунков детей. Отношение к обложке, таким образом, оказывается чуть ли не более неоднозначным, чем к самому документу, в нее помещенному. При этом на примере собранного нами материала становится четко виден переход от

практики ношения паспорта в советское время и, соответственно, отсутствия практической необходимости в обложке к постсоветской традиции его постоянного ношения с собой. На вопрос о причинах этого изменения наш информант Тимофей посетовал, что советский человек не ждал подвоха от институций, а паспорт брал только на почту или в жэк, тогда как с приходом перестройки он стал постоянно чувствовать, что паспорт может пригодиться, ведь отовсюду стоит «ждать подляны».

В заключение нужно отметить, что, как и его теории, подтверждение верности которых находится в любом материале по теме, сам Альберт Кашфуллович с годами становится только лучше, а мы, его ученики, не перестаем восхищаться как первыми, так и последним, неизменно гордясь, как Маяковский гордился своим паспортом, знакомством с юбиляром.

Библиография

- Байбурин А.К.* Семиотический статус вещей и мифология // Путилов Б.Н. (отв. ред.). Материальная культура и мифология. Л.: Наука, 1981. С. 215–226. (Сборник МАЭ. Т. 37).
- Байбурин А.К.* Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с.
- Токарев С.А.* Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
- Douglas M.* Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo. L.: Routledge; Kegan Paul, 1966. 196 p.
- Golubović Z.* An Anthropological Conceptualisation of Identity // Synthesis Philosophica. 2011. Vol. 26. No. 1. P. 25–43.

Иллюстрации к статье Марии Масагутовой и Степана Дроздова

Ил. 1. Обложка для паспорта Марии

Ил. 2. Обложка для паспорта Степана